

© 2018 г.

Т.А. НЕКРАСОВА

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ ВО ВНЕШНЕ- И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Некрасова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Вопрос об идеологической составляющей внешней политики нацистской Германии остается одним из актуальных в историографии¹. Внешнеполитические взгляды Гитлера и его сторонников формировались под влиянием краха германской политики в ходе Первой мировой войны. Нацистская внешне- и военно-политическая стратегия отличались от кайзеровской. Если кайзеровская Германия вела империалистическую великодержавную внешнюю политику «завоевания места под солнцем», а демократическая Веймарская республика после проигранной Германией войны неустойчиво балансировала между Востоком и Западом, то нацистский рейх, используя империалистическую традицию и идею «реванша за унижение Версаля», строил «расовое чистое» государство для «высшей расы».

В гитлеровском рейхе расизм и антисемитизм стали не просто государственной политикой, но самой основой государства, целью которого было господство «арийской расы»². Согласно нацистской расовой доктрине, каждый немец имел врожденное предрасположение к тому, чтобы занимать главенствующую позицию по отношению к другим, «низшим» типам людей, в жилах которых течет «худшая» кровь. Таким образом, расистские концепции становились «аргументами» в пользу господства немцев над миром. Любые ведущие к этой цели средства полностью оправдывались³.

Вместе с тем, внешнеполитическая идеология национал-социализма была порождением Версальской системы и являлась одним из проявлений ее несбалансированности, так что германскую агрессию под знаменем «реванша за позор Версаля» можно назвать предсказуемой. Идеология в таком случае является не первопричиной экспансии, а обоснованием потребности Германии пересмотреть узкие рамки международных отношений, где путь к ведущим позициям в мире был для нее закрыт условиями Версальского мира. Экспансионистская идеология была нацелена на реализацию

¹ Broszat M. Das Nationalsozialismus. Weltanschauung: Programm und Wirklichkeit. Stuttgart, 1960; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973; Wippermann W. Der konsequente Wahn. Ideologie und Politik Adolf Hitlers. Gütersloh, 1989; Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989; Welch D. Third Reich: Politics and Propaganda. Routledge, 2002; Kallis A. A. Nazi Propaganda and the Second World War. London, 2005; Nationalsozialismus und Erster Weltkrieg. Essen, 2010; Павлов Н. В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. М., 2012; Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. Neuausgabe. München, 2013; Крупская С. Ю. Нацистская пропаганда во внешней политике Германии (1933–1939): германо-язычная историография. — Научные ведомости Белгородского университета. Серия: история, политология. 2014, № 21.

² Хавкин Б. Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М., 2017, с. 43.

³ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, с. 40–41.

таких прагматических задач как обеспечение доминирования Германии в Европе и передел сфер влияния в мире. Внешнеполитические планы Гитлера первоначально не выходили за пределы Европы и системы взаимоотношений национальных государств, которые участвовали в создании Версальского миропорядка. На основании этих планов основы прежнего мироустройства были пересмотрены до начала Второй мировой войны, что свидетельствует о балансе между идеологией и прагматикой в политике Германии до 1939 г.

Соотношение идеологической и прагматической составляющей нацистской политики менялось. Рубежом перехода к прагматической внешней политике было начало Второй мировой войны. До этого как противники, так и сторонники нацистской Германии едва ли могли оценить, насколько реальными были гитлеровские планы «нового мирового порядка» и как они соотносились с мироустройством на основе принципов Версальско-Вашингтонской системы. Идеология национал-социализма предполагала столь чудовищные по своей сути и масштабам геополитические изменения, что западная дипломатия накануне Второй мировой войны не всегда воспринимала их всерьез. Отчасти поэтому планы нацистской Германии не встретили со стороны великих держав своевременный отпор.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ ГЕРМАНИИ

Третий рейх искал новых союзников для раскола лагеря держав-победительниц. Во внешнеполитической стратегии после 1933 г. Гитлер предусмотрел два пути. Во-первых, Австрия оказалась слабой, еще будучи империей Габсбургов, а в виде небольшой буржуазно-демократической республики, в котором она существовала после Первой мировой войны, на нее и вовсе нельзя было опереться. Вместо прежнего венского союзника Германии следовало найти себе нового — амбициозного настолько, чтобы решиться примкнуть к Третьему рейху в радикальном пересмотре европейской иерархии. Вступить с Гитлером в тесный союз могли только политики, далекие от демократических принципов и способные закрыть глаза на неизбежную цену преобразований. На эту роль в Европе начала 1930-х годов могла претендовать только фашистская Италия.

Во-вторых, Гитлер до последнего надеялся, что его грандиозный замысел вызовет симпатию одной из великих держав — Великобритании как конкурента Франции; солидарность между Лондоном и Парижем он считал номинальной. В программной книге «Майн Кампф» Гитлер был категоричен: «Мы должны до конца понять следующее: самым смертельным врагом германского народа является и будет являться Франция. ... И всегда Франция, чтобы удержать эту великую реку (Рейн. — *Т.Н.*) в своих руках, неизбежно будет стремиться к тому, чтобы Германия представляла собою слабое и раздробленное государство»⁴. Прагматика внешнеполитического соперничества была подкреплена идеологическими аргументами: «С одной стороны, французский народ все больше и больше смешивает свою кровь с кровью негров; а с другой, французский народ все теснее и теснее сближается с евреями на основе общего стремления к подчинению себе всего мира. И все это, вместе взятое, превращает Францию в самую большую угрозу для дальнейшего существования белой расы в Европе»⁵. Это говорит скорее о потребности Гитлера придать своим планам некую «грандиозность», поскольку извечная франко-германская вражда потеряла после Первой мировой войны героическую окраску и не могла быть представлена в прежнем виде без риска показаться банальным и неосторожным.

Союз с Великобританией был «голубой мечтой» Гитлера. Казалось, для ее осуществления в 1920–1930-е годы имелись все предпосылки. В ходе международных кризисов вокруг Германии Великобритания неизменно становилась на ее сторону — если

⁴ Hitler, Mein Kampf. Eine kritische Edition. München — Berlin, 2016, S. 1573, 1577; *Хавкин. Б.Л.* О научном немецком издании книги “Майн Кампф”. — Новая и новейшая история, 2016, № 4.

⁵ Hitler, Mein Kampf. Eine kritische Edition, S. 1583.

не открыто, то своим отказом применять в отношении Германии санкции. Чтобы укрепить зарождавшуюся симпатию между Берлином и Лондоном, следовало, во-первых, отказаться от морского соперничества. Во-вторых, забыть о претензиях на часть «колониального пирога», которые раньше ставили Германию в оппозицию к Великобритании⁶. По мнению Гитлера, усиление Германии в Европе было бы на руку Великобритании, поскольку ослабляло ее соперников — Францию и Россию — и освобождало мир за пределами Европы для безусловного английского господства. Хотя к 1939 г. военно-политические приоритеты Гитлера, сформулированные в его главном труде, во многом изменились, нет никаких свидетельств тому, чтобы он ввел вопрос о колониях в число германских внешнеполитических целей.

Но нацистская Германия претендовала на статус «мировой державы». При отказе от соперничества с Англией за пределами Европы у Германии оставалось свое «колониальное» пространство — Восточная Европа. Здесь, в первую очередь, подразумевались территории России, которые в сравнении с внеевропейскими колониями выглядели даже более привлекательно. В этом вопросе расовая доктрина открывала новые возможности, ранее не известные Германии: «Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а за земли, расположенные на нашем собственном континенте»⁷. По мнению Гитлера, для такой политики среди великих держав существовал только один весомый союзник — Англия.

Однако Гитлер неверно оценил цели Великобритании как великой державы. После Первой мировой войны она вряд ли опасалась за свои колонии и не воспринимала угрозу со стороны Германии своему мировому владычеству как реальную. Взаимоотношения на европейской арене могли соответствовать интересам Великобритании только в том случае, если удавалось поддерживать баланс сил, в котором Великобритания играла бы роль арбитра, поочередно сталкивая интересы других государств между собой, тем самым поддерживая статус безусловного лидера. Как бы Берлин ни убеждал Лондон, что он не посягает на позиции Великобритании, лидерство Третьего рейха на европейской арене сделало бы Германию реальным центром силы, а ее политику непредсказуемой, что нивелировало аналогичные преимущества Великобритании. Выгоды, которые Германия сулила Великобритании, едва ли были приемлемыми для Лондона: Германия могла разыграть советскую карту, но в случае разгрома Советского Союза Великобритания вместо баланса сил, который она могла контролировать, получала бы для себя реальную военную угрозу со стороны Германии.

Идеологические построения Гитлера в отношении Великобритании также были ошибочными. Германия делала ставку на противостояние советской угрозе, однако демократические круги Великобритании не одобряли авторитарные экспансионистские лозунги нацистов. Радикальная идеология национал-социализма если и не отталкивала англичан, то, по крайней мере, заставляла их повременить с выводами. Рейхсминистр А. Розенберг так описывает настроения в Великобритании в 1939 г. накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа: «Со стороны британцев дерзкая реакция на все предложения фюрера, постоянная антигерманская пропаганда как со стороны всех либералов и социалистов, так и со стороны консерваторов типа Идена и Купера. Возможно ли было преодолеть такое сопротивление, сегодня сказать невозможно. Чемберлен, возможно, был нашим шансом. Однако, если верна точка зрения, согласно которой Англия вообще не заинтересована в подъеме Германии, в том числе на Востоке, то сделанные на

⁶ Ibid., S. 403.

⁷ Ibid., S. 401.

сегодняшний день выводы верны, и следует без лишней сентиментальности придерживаться избранного курса» (курса на договор с СССР. — *Т.Н.*)⁸.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пакт Молотова-Риббентропа вступал в явное противоречие с курсом на привлечение на сторону Германии противников Советского Союза. Гитлер сомневался в успехе курса на сближение с СССР. Накануне подписания пакта он говорил рейхсминистру А. Шпееру: «Я все поставил на эту карту»⁹. Цель пакта была очевидна — обезопасить Германию от войны на два фронта и обеспечить ей устойчивый тыл на время молниеносных завоеваний на Западе. Как пишет немецкая исследовательница Ева Ингеборг Фляйшхауэр, цели заключения пакта были исключительно тактическими: по мнению Гитлера, «союзы заключаются только на случай ведения войны, а союз с Россией — специально для войны против западных держав»¹⁰.

Российский историк Н. В. Павлов видит в этом часть более широкой внешнеполитической стратегии: «Задача гитлеровской дипломатии состояла в том, чтобы, опираясь на миролюбивую риторику, формально вовлечь на первом этапе в орбиту внешне дружественных двусторонних отношений как можно больше стран, как потенциальных союзников, так и противников при условии большей зависимости партнеров от Берлина в плане выполнения международных обязательств»¹¹. Дружественными такие отношения можно было назвать лишь с большой натяжкой, поскольку как партнеров Германию и СССР не воспринимала ни одна из сторон: идеология экспансии в восточном направлении не потеряла для Германии своего значения, антисоветская риторика сохранялась в прежнем объеме.

Гитлер тщательно заботился о том, чтобы этот шаг не выглядел как предательство общих интересов держав «оси» или выпад против западных держав. Сотрудничество германской дипломатии с советской проходило при постоянном обмене информацией с итальянским посольством в Москве и с неременной ссылкой на условия Берлинского договора о ненападении и нейтралитете, заключенного в 1926 г. между Веймарской республикой и СССР¹². Тем самым Германия, договариваясь с Советским Союзом, как будто бы не предпринимала ничего нового, лишь продолжая прежнее сотрудничество.

Однако при распространении германской экспансии на Польшу прикрыть открывшуюся агрессию мирными обещаниями становилось невозможным. Великие державы должны были встать перед необходимостью принять меры против агрессора. Все это делало войну Германии с Великобританией все более вероятной. Первым делом после заключения пакта Молотова-Риббентропа Гитлер интересовался, как реагировали на сообщение представители зарубежной прессы: «С лихорадочно блестящими глазами он передал нам полученный от Геббельса ответ: “Сенсация непревзойденная!”». А когда одновременно зазвонили церковные колокола, представитель английской прессы грустно заметил: “Это погребальный звон для Британской империи”. Данная реплика произвела в тот вечер на эйфорически возбужденного Гитлера наиболее сильное впечатление. Он возомнил, будто вознесся столь высоко, что судьба больше над ним не властна»¹³.

⁸ Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934—1944 гг. М., 2015, с. 194.

⁹ *Шпеер А.* Воспоминания. М., 2010, с. 214.

¹⁰ *Fleischhauer I.* Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938—1939. Frankfurt a.M., 1990, S. 408.

¹¹ *Павлов Н. В.* Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017, с. 272.

¹² *Fleischhauer I.* Op. cit., S. 406.

¹³ *Шпеер А.* Указ. соч., с. 215.

Как синоним слова «судьба» в данном случае выступало слово «Великобритания», которая, по Гитлеру, уже не могла противостоять успеху германской внешней политики. Принимая решение о нападении на Польшу, Гитлер надеялся, что великие державы так и не решатся на открытое противостояние: ведь до того никаких действий по обузданию германской агрессии с их стороны предпринято не было. О начале войны генерал-майор танковых войск Германии Фридрих Вильгельм фон Меллентин пишет: «Несмотря на военные приготовления на восточной границе и нараставшую напряженность в отношениях Германии с Англией и Францией, мы все еще надеялись, что наши претензии на Данциг — истинно немецкий город — не приведут к мировому конфликту. Эти претензии, предъявленные в другое время и в ином тоне, были бы вполне уместными. Но, будучи выдвинуто немедленно вслед за аннексией Чехословакии, требование о передаче Данцига должно было вызвать самое серьезное беспокойство в Лондоне и Париже»¹⁴.

Надежду на мирный исход конфликта высказывал и Шпеер: «Когда... 3 сентября за ультиматумами западных держав последовало объявление войны, Гитлер после короткого периода растерянности утешил нас, как и себя, замечанием, что Англия и Франция объявили войну лишь для виду, чтобы не потерять лицо перед всем миром, и что, по его глубочайшему убеждению, объявление войны не будет сопровождаться военными действиями»¹⁵.

В этих событиях проявляется, с одной стороны, пагубное влияние политики умиротворения, с другой — явная недооценка Гитлером традиционных дипломатических аспектов, таких как статус Великобритании как европейского гегемона и сопутствующие международные обстоятельства. Польша могла оказаться слабой и нерешительной перед лицом германского захватчика, но если бы таковой оказалась Англия, ее статус был бы поколеблен самим фактом невступления в войну против Германии.

Отказываясь признать свой просчет, Гитлер вплоть до 1941 г. рассчитывал переманить Великобританию в стан своих союзников. В этом плане примечателен полет заместителя Гитлера по партии рейхсминистра без портфеля Рудольфа Гесса в Великобританию. Хотя доказательств тому, что это была инициатива руководства Третьего рейха, нет, версия о «сумасшествии» Гесса вызывает сомнения. Дата полета, 10 мая 1941 г., незадолго до нападения Германии на СССР, свидетельствует о том, что это могла быть последняя попытка решения вопроса о «внутренней колонизации Европы», т.е. союзе Германии с Англией против России. Аргументом в пользу этой версии служит факт, что Гесс был «правой рукой» Гитлера, о чем свидетельствует, в частности, Розенберг: «Рудольф Гесс, старый верный сотрудник фюрера, безусловно, готов пожертвовать собой ради него во всех отношениях»¹⁶. Гесс действовал в соответствии со сформулированным в «Майн Кампф» тезисом Гитлера о союзе с Англией: «Мы гарантируем Англии сохранение мировой империи, а она развяжет нам руки в Европе»¹⁷.

Кроме того, неясными являются обстоятельства смерти Гесса в 1987 г. в берлинской тюрьме Шпандау¹⁸. Вполне возможно, что в мае 1941 г. переговоры Гесса в Англии действительно велись, но это скрывается Лондоном до сих пор.

¹⁴ Меллентин Ф.В. фон. Бронированный кулак вермахта. М., 2016, с. 12.

¹⁵ Шпеер А. Указ. соч., с. 218.

¹⁶ Политический дневник Альфреда Розенберга, с. 215.

¹⁷ Шпеер А. Указ. соч., с. 232.

¹⁸ Расследованием обстоятельств смерти Р. Гесса занималось Бюро специальных расследований британской Королевской военной полиции. В 2013 г. документы бюро были рассекречены и опубликованы на сайте правительства Великобритании. Однако анализ этих материалов показывает, что часть из них сфальсифицирована, а «Предсмертная записка Гесса» не является той, которую извлекли из кармана заключенного после его смерти. — Плотников А. Н. Материалы расследования в тюрьме Шпандау фальсифицированы? — Вестник Академии военных наук, 2016, № 1.

Учитывая, что в сентябре 1941 г. Великобритания и Франция вступили в войну с Германией, встает вопрос о том, насколько Германия на тот момент была готова к европейской войне.

Подготовка германской экономики к большой войне велась в рамках «четырёхлетнего плана», объявленного в 1936 г. К 1939 г. он еще не был выполнен. Этот план был инициирован Гитлером и являлся порождением нацистской идеологии. Немецкий промышленный магнат Фриц Тиссен, который первоначально поддерживал нацистов, как депутат рейхстага выступил против войны и 2 сентября 1939 г. эмигрировал из Германии в Швейцарию. Нацисты экспроприировали имущество Тиссена и лишили его германского гражданства. В 1940 г. Тиссен, сравнивая «четырёхлетний план» с советскими пятилетками, отмечал, что «четырёхлетний план Гитлера не имел никакой цели, кроме демагогического эффекта. ... Когда Гитлер объявил в Нюрнберге о четырёхлетнем плане, немецкие промышленники сильно удивились. Фюрер ни с кем не проконсультировался, и никто не понял, что он имеет в виду»¹⁹. Общей целью плана была названа автаркия, которой Германия в названные сроки достичь не смогла, если вообще возможна автаркия для экономически развитого европейского государства в XX в.

Тиссен, оценивая возможности военной экономики Германии, признавал, что в 1939–1940 гг. немецкая промышленность не могла обеспечить больше трети потребности авиации в керосине, это же относилось к горючему для танков, производству оружейной стали. Экономическим фактором Тиссен объяснял стремление Гитлера решать военные вопросы молниеносно: в долгосрочной перспективе германская военная мощь сама себя подрывала²⁰.

Об этом же пишут историки из Германского института экономических исследований: «Германия вооружалась не столь интенсивно, как это некоторые думали, однако на случай кратковременной войны Германия по сравнению с ее первоначальными противниками была вооружена, исходя из уровня тогдашней техники, достаточно сильно. Несмотря на прямо противоположные заявления в политических речах, в Германии не были приняты меры на случай длительной затяжной войны. Вместе с крахом расчетов на молниеносную войну исчезло “преимущество” Германии»²¹.

«Четырёхлетний план» сам стал одним из важных факторов подготовки Германии к войне: он, во-первых, констатировал намерение Германии воевать, во-вторых, вызвал перекосы в системе хозяйства мирного времени, вынуждая государство решать экономические проблемы военным путем. Гитлер был далек от того, чтобы руководствоваться экономической целесообразностью. Об этом пишет, например, руководитель нацистской партийной прессы О. Дитрих: «Экономическое мышление было изначально чуждо Гитлеру. Он был политической фигурой, а не экономистом. В то время он ставил перед собой первоочередную задачу: “сбросить оковы Версальского договора”. Ради этого он хотел создать первоклассную армию. Вся сила его воли была направлена именно на эту цель, и он считал ее достойной любых финансовых жертв»²². Таким образом, развязывание нацистами европейской войны, переросшей во Вторую

¹⁹ Тиссен Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. М., 2008, с. 144.

²⁰ Издатель книги Ф. Тиссена в США Эмери Ревес отмечает: «К началу войны не был выполнен ряд экономических условий, необходимых для ровного функционирования немецкой военной машины в случае продолжительного конфликта. Однако первый этап военных действий на Западе продемонстрировал возможности немецкой армии, в особенности экономического характера. И эти возможности были учтены теми политическими группами в Германии, которые считали возможным применить методы, использованные в Польской кампании, к войне против западных демократий». — Тиссен Ф. Указ. соч., с. 226–227.

²¹ Как ковался германский меч. Промышленный потенциал Третьего рейха. М., 2006, с. 26–27.

²² Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933–1945. М., 2007, с. 35.

мировую, было подготовлено не прагматическими соображениями, а их идеологией, политическими намерениями и динамикой внешне- и внутривнутриполитических событий.

Существовали и другие аргументы в пользу начала войны. До 1939 г. внешнеполитические успехи рейха отвлекали население от насущных проблем, обеспечивая Германии самый важный ресурс — воодушевление и поддержку народа. Это воодушевление следовало вовремя использовать, пока оно не затухло: Гитлер «больше не позволит себя удерживать, ибо войско, длительное время пребывающее в состоянии боевой готовности, начинает нервничать, период ясной осенней погоды скоро кончиться и можно опасаться, что, когда ясная погода сменится периодом затяжных дождей, немецкие части увязнут в польской грязи»²³.

Сохранить преимущества в войне предполагалось за счет эффекта внезапности, т.е. фактически за счет того, что противники Германии были готовы к войне в еще меньшей степени, чем страна-агрессор. Меллентин отмечает, что осенью 1939 г. после отказа Великобритании и Франции заключить с Германией мир, первым стремлением Гитлера было «быстро добиться решения силой, предприняв новую молниеносную войну. Он боялся, что с каждым месяцем отсрочки союзники будут становиться все сильнее; к тому же никто по-настоящему не верил, что наш пакт с Россией будет долговечен»²⁴.

Если сравнивать немецкий военный потенциал с польским, то сомнений в превосходстве Германии не возникает. Однако на стороне Польши выступили ее союзники Англия и Франция. Если бы они с первых дней развернули реальные боевые действия, а не только формально объявили Германии войну, ситуация была бы иной. Соотношение сил Меллентин описывает так: «Фактически немецкая армия уступала союзным армиям не только по количеству дивизий, но и главным образом по количеству танков. В то время как объединенные франко-английские силы имели около 4000 танков, немецкая армия могла выставить только 2800. Не было у нас (у немцев. — Т.Н.) также и реального качественного превосходства»²⁵.

Таким образом, в 1939 г. военная и экономическая готовность Германии к большой войне не соответствовала плановым задачам, однако эта неготовность компенсировалась инерцией предшествовавших успехов. Все вместе подталкивало Гитлера к скорейшему началу войны, которое сулило ряд преимуществ. Накопившийся победный потенциал и воодушевление населения были важным ресурсом в войне. Эффект внезапности позволял застать противников врасплох.

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Итак, Вторая мировая война началась, а вместе с ней и новый этап во внешней политике Гитлера. В условиях открытого противостояния нацисты пытались построить «новый мировой порядок», расширяя «жизненное пространство арийской расы», т.е. захватывая чужие страны и конкурируя за влияние на малые европейские государства с целью увеличения своего военного и экономического потенциала. Германия не только воевала, но и пыталась организовать систему управления подчиненными территориями; отсутствие такой системы сгубило не одну мировую империю.

С идеологической точки зрения национал-социализм предлагал свою модель консолидации на основе объединения «своих» против «чужих». Жесткая расовая доктрина сужала круг «своих» до минимума, однако на этапе формирования коалиции держав «оси» для Италии и Японии были сделаны исключения. Расистская риторика должна была отпугивать малые государства, которые относились к категории «недочеловеков», но Гитлер делал ставку не на народы, а на авторитарные элиты, которые с легкостью воспринимали идеи, близкие национал-социалистическим. Так, еще

²³ Шпеер А. Указ. соч., с. 217–218.

²⁴ Меллентин Ф.В. фон. Указ. соч., с. 20.

²⁵ Там же, с. 24–25.

в 1936 г. Гитлер и Муссолини помогли испанскому мятежнику Франсиско Франко, что стало началом военного сотрудничества нацистского Берлина и фашистского Рима.

Сдержанная реакция Лиги наций на события гражданской войны в Испании была оправданной с точки зрения демократических процедур, однако результатом стало установление в стране авторитарного режима Франко и крах демократического правительства. То же касается «политики умиротворения» в более широком контексте. Малые государства, делавшие ставку на поддержку великих держав, раз за разом убеждались в тщетности своих ожиданий: Германии была отдана Австрия, за ней — Чехословакия. Этих примеров было достаточно, чтобы направить политику европейских государств в русло прагматического расчета. Решающей оказывалась не антифашистская идеология, а прагматика — выбор меньшего из двух зол.

Даже во Франции рассуждали подобным образом: перспектива скорой победы держав «оси» рассматривалась в качестве вероятного варианта. По словам российского историка В. П. Смирнова, маршал А. Петэн «был уверен, что вслед за неминуемой капитуляцией Англии будет заключен мирный договор, по образцу Версальского мира 1919 г., и произойдет очередной передел мира в пользу победителей: на этот раз в пользу Германии и Италии. Свою главную задачу Петэн видел в том, чтобы обеспечить Франции наиболее выгодные условия будущего мира: избежать слишком больших территориальных потерь и в максимальной степени сохранить французскую колониальную империю, удовлетворив основные притязания Германии и Италии за счет английских владений. По мнению Петэна, сохранять союз с Англией означало бы «связать себя с трупом» и оказаться в крайне невыгодном положении при заключении мира. Гораздо выгоднее было порвать с Англией и сотрудничать с победоносной Германией, чтобы обеспечить Франции возможно более благоприятные условия мира»²⁶.

Такой расчет основывался на том, что умеренный пересмотр Версальско-Вашингтонского порядка считался в Европе неизбежным. До нападения на Польшу от действий Германии часто выигрывали сопредельные государства — например, Польша от раздела Чехословакии. Таким образом, национал-социалистическая идеология не исключала сотрудничества европейских государств с Германией, в том числе потому, что на первых порах гарантировала успех, т.е. привлекала тех, кто был готов рискнуть стабильностью и предсказуемостью ради легкой добычи. Определенные преимущества получали до поры до времени и великие державы: Великобритания — сильного партнера в Европе, все вместе — противовес коммунистической идеологии СССР.

Центром «нового порядка» был образ новой Европы, который можно назвать «насилоственной интеграцией». В формулировке Гитлера она выглядела так: «Всеобщая европейская демократия либо будет заменена системой еврейско-марксистского большевизма, жертвой которой падут одно государство за другим, либо системой свободных и независимых национальных государств, которые в свободной игре сил оставят свой след в Европе в соответствии с численностью и важностью их особых народностей»²⁷. Как пишет Меллентин, эта картина могла оказаться средством привлечения иностранных политических элит на сторону Германии: «Я встретил (в побежденной Франции. — Б.Х.) искреннее желание сотрудничать на базе объединенной Европы, основанной на принципе полного равенства. Высокая дисциплина и лояльное отношение германских оккупационных войск содействовали и укрепляли этот дух сотрудничества»²⁸.

Однако жесткие меры со стороны германского руководства, например, запрет на возвращение французских беженцев, не позволяли довериться новым правителям и приступить к реализации совместных планов. Идеология национал-социализма исходила из абсолютного максимума преимуществ для немцев-победителей: с каждого

²⁶ Смирнов В. П. Судьба одной речи (18 июня 1940 года: эпизод — событие — символ). — Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999, с. 175.

²⁷ Hitler's secret book. New York, 1961, p. 208.

²⁸ Меллентин Ф. В. фон. Указ. соч., с. 40.

подчиненного государства предполагалось получить все, что только возможно. Как показал пример Чехословакии, мнение потенциальной жертвы нацистской агрессии не учитывалось, никаких переговоров с ней не велось. При этом государства на Востоке и Юго-Востоке Европы не могли рассчитывать даже на тот статус, который имели западные сателлиты Германии. Так, посол Словакии жаловался 23 августа 1939 г. на то, что слухи выставляют его страну «как объект торговли германской политики»²⁹. Расистская риторика колонизации Востока Европы перекрывала пути к расширению влияния Германии мирным путем. Это в перспективе должно было вызвать дополнительные сложности по поддержанию оккупационного порядка на завоеванной территории и в тылу германских войск.

ОТ ВОЙНЫ С ЗАПАДОМ ДО ВОЙНЫ С ВОСТОКОМ

До конца 1941 г. экспансия Германии в Европе шла успешно. По свидетельству Шпеера, «все тревоги развеялись в первые же дни сентября (1939 г. — *Т.Н.*), когда польский поход принес неожиданный успех немецким войскам, Гитлер обрел, судя по всему, обычную уверенность, и потом, уже в разгар войны, я даже неоднократно слышал от него, что поход против Польши непременно требовал крови»³⁰. Кроме того, польская кампания позволила вермахту приобрести опыт реальных боевых действий, «увидеть разницу между настоящей войной и маневрами»³¹.

Наступление на Францию было намечено на ноябрь 1939 г., однако отложено из-за плохой погоды, препятствовавшей действиям авиации. Всю зиму немецкие войска «вели напряженную подготовку к предстоящим боям, проводились крупные маневры»³². В результате Франция оказалась неготовой дать отпор германскому наступлению. Меллентин записал свои впечатления от осмотра немецкой оборонительной линии Зигфрида: «Противотанковых препятствий почти не было, и чем больше я смотрел на эти оборонительные сооружения, тем меньше мог понять полную пассивность французов. Если не считать поисков разведчиков в весьма отдаленном районе Саар-брюккена, французы вели себя очень мирно и не беспокоили защитников Западного вала. Такое бездействие должно было отрицательно сказаться на боевом духе французских войск, и, надо полагать, оно принесло им гораздо больше вреда, чем наша пропаганда, как бы она ни была эффективна»³³.

Французская кампания воплотила в реальность немецкую стратегию блицкрига. Тактические факторы, на которые делал расчет Гитлер, оказались действенными в условиях реальной войны. Пока эффект неожиданности не был исчерпан, ситуация складывалась благоприятно для Германии: воодушевление немецких солдат от своих молниеносных успехов приносило новые успехи, а новые успехи усиливали воодушевление немецких солдат. Пример из истории наступления немцев на реке Маас приводит Меллентин: «У полковника Балька создалось впечатление, что французские артиллеристы бросили свои батареи, и их никак нельзя было заставить вернуться к орудиям. Полное прекращение огня французской артиллерией оказало замечательное действие на боевой дух полка. Если еще несколько минут назад каждый искал укрытия, то теперь никто и не думал прятаться. Невозможно было удержать солдат. Надутые лодки подходили к берегу и выгружались на самом виду у французских дотов, в каких-нибудь ста метрах от них»³⁴.

²⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Serie D: 1937—1941. Die Kriegsjahre, Bd. I—X. Baden-Baden — Frankfurt a.M., 1950—1964. Bd. VII. 9. August bis 3. September 1939, S. 198.

³⁰ Шпеер отмечал: «Впрочем, очень возможно, что за подобными рассуждениями он просто желал скрыть дипломатические просчеты августа 1939-го». — Шпеер А. Указ. соч., с. 220.

³¹ Меллентин Ф.В. фон. Указ. соч., с. 17.

³² Там же, с. 21.

³³ Там же, с. 20.

³⁴ Там же, с. 27.

Успех французской кампании 1940 г. вскружил голову Гитлеру: «Увидеть Париж было мечтой моей жизни. Не могу выразить, до чего я счастлив, что сегодня эта мечта сбылась»³⁵. В эйфории победы над Францией Гитлеру начинает казаться, что ему так же легко удастся победить Россию: «Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра», — заявил он начальнику штаба верховного командования вермахта В. Кейтелю, после капитуляции Франции произведенному в генерал-фельдмаршалы³⁶.

После победы над Францией у Гитлера стало еще меньше поводов быть осторожным в своих расчетах. Ему следовало окончательно решить, в какую сторону направить дальнейшую экспансию. В этом вопросе влияние идеологии на внешнеполитические планы Германии не было однозначным. С одной стороны, идеология национал-социализма называла своим главным врагом большевизм, что стало формальным основанием для создания «оси» Берлин — Рим и «Антикоминтерновского пакта» 1936 г. В ноябре 1937 г. к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия. Возник «треугольник» Берлин-Рим-Токио, который в 1939—1940 гг. был превращен в военный союз, подкрепленный в дальнейшем «Стальным пактом» 1939 г. Германии и Италии. В 1939 г. к пакту присоединились Венгрия и франкистская Испания. Страны «треугольника» подписали Берлинский пакт 1940 г., который предусматривал разграничение зон влияния между странами «оси» при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

С другой стороны, в конце сентября 1940 г. Гитлер направил послание Сталину, известив его о предстоящем подписании Берлинского пакта, а позднее предложил ему принять участие в дележе «английского наследства» в Иране и Индии. 13 октября Сталин получил письмо от министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа, в котором содержалось приглашение наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову прибыть с визитом в Берлин. В этом письме Риббентроп также особо подчеркнул, что «Германия полна решимости вести войну против Англии и её империи до тех пор, пока Британия не будет окончательно сломлена».

12—13 ноября в Берлине состоялись переговоры Риббентропа и Молотова, на которых германская сторона предложила советскому руководству присоединиться к Тройственному пакту и заняться «делом наследства Англии», убеждая, таким образом, СССР в том, что война с Англией является первостепенной задачей для Германии на ближайшие годы³⁷. На самом же деле, 12 ноября 1939 г., в день прибытия Молотова в Берлин, Гитлер подписал директиву о военных планах Германии: «Независимо от того, каким будет исход этих переговоров, следует продолжать приготовления для Востока, о которых отданы устные приказы»³⁸. Иными словами, вне зависимости от результатов переговоров с Молотовым, лидеры Третьего рейха, несмотря на подписанный 23 августа 1939 г. договор о ненападении на СССР, готовили агрессию против Советского Союза.

Разрабатывая план нападения на СССР (операция «Барбаросса»), Гитлер продолжал готовиться к вторжению на Британские острова (операция «Морской лев»). 27 июня 1941 г., уже после начала агрессии против СССР, он приказал немедленно завершить строительство самолетов для подготовки покорения Англии³⁹. Более того, в Германии с 1939 и по 1941 г. в таких важнейших отраслях военной промышленности как производство артиллерийского и стрелкового вооружения, боеприпасов, судостроение до 1942 г.

³⁵ Шнейер А. Указ. соч., с. 228.

³⁶ Там же, с. 230.

³⁷ Беседа председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером в Берлине 12 ноября 1940 г. — Документы 1941 г., в 2-х кн. М., 1998, № 172.

³⁸ Сиполс В. Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. — Новая и новейшая история, 1996, № 3, с. 149—150.

³⁹ Шнейер А. Указ. соч., с. 242.

выпуск продукции не повышался, а снижался. Этот факт свидетельствует о том, как низко оценивал Гитлер военный потенциал Советского Союза⁴⁰.

После нападения Германии на СССР начали сказываться и другие обстоятельства, решающие для исхода войны. Эффективность первого удара агрессора снижали огромная территориальная протяженность Советского Союза, высокий боевой дух и сила сопротивления Красной Армии, патриотический настрой советских людей, защищавших свою Родину, наличие у СССР новой военной техники (танк Т-34), а также непривычные для немцев погодные условия. Однако осенью 1941 г. Гитлер был озабочен не провалом blitzkriega, а подготовкой к триумфальным торжествам по поводу победы над СССР⁴¹.

По мере сплочения антигитлеровской коалиции у Германии оставалось все меньше шансов выиграть войну. Однако действия Третьего рейха в войне на Востоке диктовались в большей мере идеологическими (уничтожение «еврейского большевизма»), а не прагматическими военно-экономическими и политическими соображениями. Как подчеркивает Шпеер, «система Гитлера проявила в этом решающем пункте свои изъяны по сравнению с режимом демократическим. Ибо никакая публичная критика не занималась этими неувязками, никто не требовал их устранить»⁴².

Авторитарное ведение боевых действий негативно сказалось на Германии. Но не потому, что демократический строй лучше подходит для ведения войны, а потому, что «фюрер и верховный главнокомандующий» был авантюристом, а не военным экспертом. Однако неожиданные военные успехи рейха в 1939–1941 гг. убедили самого Гитлера и его генералов в «военном гении фюрера». Как следствие, все удачи Гитлер приписывал себе и объяснял эффективностью нацистской идеологии, а поражения — другим: «Мои офицеры — кучка мятежников и трусов. Я больше не допущу их в свой ближний круг и никогда не приглашу за стол! ... Сначала они трусливо пытаются заставить меня отказаться от той или иной операции, а потом, когда я с успехом выполняю ее, они ставят победу себе в заслугу, прибегают и просят орденов и наград. Если бы я слушал этих... господ, мы еще давным-давно проиграли бы войну!»⁴³.

Противоположным образом воспринимали картину многие немецкие военные специалисты, которым каждая ошибка в стратегии и тактике открывалась во всем своем значении, без идеологических прикрас. Меллентин объясняет причины, по которым на захваченных советских территориях не действовали преимущества, которые обеспечили Германии успех на западном направлении: «Тактическое превосходство наших танковых дивизий было явным, но использование танков на обширной территории требует также и полководцев, в совершенстве владеющих искусством стратегии. У нас были такие полководцы, но у нас был и Адольф Гитлер»⁴⁴. Главной причиной поражения немецких войск в отдельных сражениях и в целом в войне на Востоке Меллентин считает рассредоточение войск, вызванное тем, что генералы вынуждены были ждать конкретных указаний от Гитлера, а его реакция в условиях реальной войны неизбежно запаздывала.

Поражение Гитлера как военного стратега стало очевидным в битве за Москву. В первые недели войны против СССР вермахтом был достигнут предел возможностей молниеносной войны. Дальнейший ход боевых действий определялся факторами затяжной и даже тотальной войны: мобилизацией всех экономических и людских ресурсов, тщательным военно-экономическим планированием, реальной аналитической оценкой военных рисков, сосредоточением сил на направлении главных ударов. Третий рейх не имел стратегии затяжной войны, на этот счет не было заготовлено

⁴⁰ Как ковался германский меч, с. 40.

⁴¹ Шпеер А. Указ. соч., с. 244.

⁴² Там же, с. 245.

⁴³ Гофман Г. Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа фюрера. 1920–1945. М., 2007, с. 210.

⁴⁴ Меллентин Ф. В. фон Указ. соч., с. 180.

никаких планов. Следовательно, самое позднее с зимы 1942 г. война велась Германией спонтанно, что означало потерю стратегической инициативы на уровне планирования и затем неизбежно на полях сражений. В затяжной войне в игру вступило соотношение совокупного экономического потенциала воюющих сторон, частью которого является их способность договориться о взаимной поддержке против общего врага. Потенциал Германии в привлечении сторонников был полностью исчерпан уже к началу войны против СССР. Потенциал антигитлеровской коалиции оказался гораздо выше и, самое главное, не был предусмотрен Гитлером в его расчетах. Этот промах следует полностью отнести на счет экстремистской расистской и антисемитской идеологии национал-социализма.

В итоге действительность вошла в очевидное противоречие с идеологией. Преступная война Гитлера была проиграна идеологически, а следовательно, и военно-политически.